
III. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИКИ (РУССКИЙ И ДРУГИЕ СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ)

УДК 81.42

С. В. Вяткина

Санкт-Петербургский государственный университет

ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ ПОСЛЕДНИХ ПЯТИ ЛЕТ)

В статье представлены результаты анализа функций вопросительных предложений в современной экспериментаторской (фрагментированной) художественной прозе, отражающей процессы дезинтеграции, на материале произведений малой прозы (около 5 % всех текстов рассказов), опубликованных в журналах «Знамя», «Октябрь» и «Новый мир» в последние пять лет. Отбор материала базировался на определении автором жанра нарратива (рассказ, малая проза, другая проза, прозя), на оформленной дискретности текста (различные типы рубрикации на уровне макросинтаксиса, на уровне микросинтаксиса — расчленение синтагматической цепочки предложения, элиминация показателей связности, использование альтернативной пунктуации), на выявлении нестандартной метаграфимики как средства оформления произведения. Комплексный анализ степени насыщенности текста небольшого объема предложениями, оформленными вопросительным знаком, прагматики (типы вопросов), структурных особенностей (одиночные вопросы, цепочки вопросительных предложений, сочетание с парцелляцией), контекста введения (позиция в структуре текста и наличие/отсутствие прямого ответа в вопросно-ответной ситуации) позволяет определить следующие функции вопросительных предложений в тексте экспериментаторской прозы малой формы: 1) усложнение субъектной перспективы текста за счет снятия традиционного пунктуационного оформления партий говорящих в диалогах и включения в них частных вопросов; 2) отражение метаязыковой рефлексии повествователя с помощью экзистенциальных риторических вопросов и вопросов без ответов; 3) выполнение текстообразующей функции вопросительных предложений в лирических монологах, отражающих автокоммуникацию. Выявленные особенности вопросов в современной экспериментаторской прозе отражают авторские поиски средств компенсации дезинтеграции, нарастающую разговорность художественного текста и изменение восприятия адресантом адресата своего нарратива (стремление к снятию дистанции, моделирование онлайн-коммуникации), что

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

предопределено ориентацией на современного читателя, поиском новых форм художественной коммуникации. Библиогр. 18 назв.

Ключевые слова: вопросительное предложение, типы вопросов, фрагментированная проза, расчлененность, процесс дезинтеграции.

Svetlana V. Vyatkina

St Petersburg State University

INTERROGATIVE SENTENCE IN A LITERARY TEXT (ON THE LAST FIVE YEARS STORIES MATERIAL)

The article presents the results of the analysis of the functions of interrogative sentences in modern experimental (fragmented) fiction, that reflects the processes of disintegration, based on the works of small prose (about 5 % of all short story texts) published in the magazines "Znamya", "Octyabr'" and "Novyj mir" in the last 5 years. The selection of the material is based on the author's definition of the narrative genre (short story, small prose, other prose, prose), on the formed discreteness of the text (various types of rubrication at the level of macro-syntax, at the level of microsyntax — the dismemberment of the syntagmatic chain of the sentence, the elimination of connectivity indicators, the use of alternative punctuation), on the identification of non-standard metagraphemics as the design piece of art's means. A comprehensive analysis of the disintegration degree of small volume texts with interrogative sentences (question marks), pragmatics (types of questions), structural features (single questions, chains of interrogative sentences, combination with parcellation), the context of the introduction (position in the structure of the text and the presence/absence of a direct answer in a question-and-answer situation) allows you to determine the following functions of interrogative sentences in the text of experimental prose of small form 1) complication of the subject perspective of the text by removing the traditional punctuation of the parties of speakers in dialogues and including private questions in them; 2) metalanguage narrator's reflection performing in the text with the help of existential rhetorical questions and unanswered questions; 3) the performance of the text-forming function of interrogative sentences in lyric monologues reflecting auto-communication. The revealed features of questions in modern prose reflect the author's search for a means of compensation for disintegration, the increasing colloquialism of a literary text and the change in the recipient's perception of his narrative (the desire to remove distance, modeling online communication), which is predetermined by the orientation to the modern reader, the search for new forms of artistic communication. Refs 18.

Keywords: interrogative sentence, types of questions, fragmented prose, fragmentation, the process of disintegration.

ВВЕДЕНИЕ

Текст как в высшей степени многообразная, исторически и функционально изменчивая единица социальной коммуникативно-когнитивной практики [Адмони 1985: 68] в век компьютеризации и интернет-общения обретает новые черты [Вяткина 2016; Вяткина 2019б], которые непосредственно соотносятся с вопросом о готовности современного читателя воспринимать линейно и по-

следовательно представленную информацию [Фрумкин 2010]. Как показывает анализ толстых литературных журналов «Знамя», «Октябрь» и «Новый мир»¹, художественный текст не является исключением: наряду с использованием авторских внутрипредложенческих пунктуационных знаков (что требует научной интерпретации, так как «может вступить в непримиримое противоречие со сложившейся во время создания произведений пунктуационной нормой» [Шубина, Антошинцева 2005: 151]), метаграфемика как вспомогательный код передачи смыслов отличается во многих прозаических текстах малой формы от традиционного представления о целостном произведении — она оформляет нарочито фрагментированные тексты.

Опубликованные в рассмотренных журналах беспунктуационные тексты (немногочисленные, в основном поэтические) демонстрируют примеры использования нулевого знака конца предложения — альтернативной пунктуации [Вяткина 2019а]. Анализ экспериментаторских текстов показал, что из всех знаков конца предложения не элиминируются именно знаки вопросительные, даже если есть грамматические показатели вопроса, что требует отдельного рассмотрения для определения значимости вопросительных предложений в современном художественном тексте.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Отбор опубликованных в журналах «Знамя», «Октябрь» и «Новый мир» в последние пять лет (более 180 выпусков) текстов (около 120) базировался, во-первых, на определении автором жанра нарратива; во-вторых, на оформленной дискретности текста на уровне макросинтаксиса: различные типы рубрикации с нумерацией, озаглавливанием фрагментов или использованием звездочек, оформление каждого нового предложения с новой строки, элиминация внутритекстовых показателей связности или использование «ложных» показателей связности текста при отсутствии смысловой или логической связи между предложениями; в-третьих, на уровне микросинтаксиса — приемы расчленения синтагматической цепочки предложения знаками конца предложения или отбивкой (абзацированием частей предложения), игра со шрифтами (варьирование простого и курсивного шрифтов, варьирование кегля).

В корпусе в основном представлены произведения молодых авторов, обладающих гуманитарным (чаще филологическим) образованием. Следовательно, авторы прекрасно знакомы с нарративной традицией, то есть с особенностями произведений малой прозы, но в то же время они пытаются найти новые средства для выражения собственных смыслов, в том числе и с помощью метаграфемики. Рассматриваемые тексты определяются как экспериментаторские.

¹ Журнальный зал — Русский толстый журнал как эстетический феномен. URS: <https://magazines.gorky.media/> (дата обращения: 15.02.2022).

Анализируемый материал разнороден, во-первых, с точки зрения определения жанра: автор, как правило, указывает (иногда ему подсказывает редактор журнала) жанр публикации. Наряду с традиционным определением «рассказ» используются «малая проза», «другая проза», «малая проза» (*Андрей Лебедев*. На гобеленах // *Новый мир*. 2015. № 5), а в одном случае — «из телефонной лирики» (*Александр Кабаков*. Вне зоны действия сети // *Знамя*. 2016. № 8). Во-вторых, материал неоднороден и по степени представленности сюжета — сюжетный или бессюжетный текст. В-третьих, произведения различны и в синтаксическом плане: это может быть синтаксически связанный нарратив или раздробленный, фрагментированный текст, отражающий процессы текстовой дезинтеграции (в терминологии О.В.Марьиной [Марьина 2010]). В-четвертых, в таком тексте используются разные средства метаграфемыки [Шубина 2015]. В созданном корпусе текстов выявлено около 1000 вопросительных предложений.

ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ВОПРОСИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Вопросительное предложение является традиционным предметом изучения философов, синтаксистов, стилистов, текстологов, при этом характеризуются разные аспекты анализа вопросов. «Вопросительные предложения описаны с точки зрения структуры, семантики, стилистического употребления, роли в коммуникативном акте и др. Такая многоаспектность свидетельствует об их емкости, сложности и неоднозначности» [Дыртый 2014: 392].

Описанные И.П.Святогором в «Русской грамматике» вопросительные предложения характеризуются 1) с формально-грамматической точки зрения (средства оформления вопроса); 2) как функционально-семантические типы вопросительных предложений (выделяются на основе их первичных и вторичных функций); 3) как средства выражения неизвестного в вопросе, характеризующие вопросно-ответную ситуацию в целом. Дифференцируются вопросы в первичной функции, направленные на получение информации (1-й компонент сочетания реплик, предназначенный для обмена информацией), и вопросы во вторичной функции в контексте размышлений (во внутренней речи), не ориентированные на получение непосредственного ответа, причем вопросы во вторичных функциях ориентированы на передачу семантики эмотивности [Святогор 1980].

Подробный обзор трактовок интеррогативности, или «вопрошания», от Сократа, Гераклита, Декарта до наших дней дан К.Ю.Гладковой на основе работ зарубежных и отечественных ученых [Гладкова 2020]. В статье А.А.Стрельцова представлена попытка рассмотреть типы вопросов в зависимости от различных аспектов их анализа [Стрельцов 2016].

Интерпретация вопросов с позиций философов-логиков отчасти перекликается с лингвистической (которая во многом опирается на постулаты логики), но предполагает анализ не изолированных вопросов, а вопросно-ответной ситуации в целом: Ю.Д.Егоров и В.Г.Кузнецов выделяют 1) базис вопроса (базисное знание должно быть истинным, непротиворечивым и не тавтологичным); 2) опе-

ратор вопроса, который должен содержать, во-первых, вопросительные слова и, во-вторых, вопросительную интонацию; 3) новое знание, связанное с контекстом, в котором происходит поиск ответа. «В вопросе как особой разновидностью рассуждения выражается запрос на поиск нового знания» [Егоров, Кузнецов 2015]. Авторы предлагают выделить две группы вопросов: экзистенциальные (ли-вопросы, что-вопросы, почему-вопросы, для-чего-вопросы) и дополнительные. Смысл экзистенциального вопроса — выявить существование явления или события (вопросы о сущности предметов). К дополнительным авторами относят когда-вопросы и где-вопросы, которые нацелены на изучение частей предмета, на рассуждение [Егоров, Кузнецов 2015].

С позиций современной философии и логики вопросно-ответное единство определяется как мыслительная и языковая структура, фиксирующая и устраняющая познавательную неопределенность [Прытков и др. 2019]. В художественном тексте отражается авторский поиск ответов на вопросы бытия, фиксируется сам поиск ответов.

ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

С точки зрения реализации вопросительного предложения в художественном монологическом тексте И.М.Кобозева выделяет два типа интеррогативности: истинная, реализующая функцию запроса информации, и мнимая, реализующая косвенные функции [Кобозева 2000: 106]. Л.А.Мостовая определяет случаи мнимой интеррогативности как монологические вопросы, функцией которых является диалогизация монологического высказывания [Мостовая 2008: 106]. В функциональном аспекте интеррогативность непосредственно связана с текстообразующей функцией и служит в художественном тексте реализации свойств образности, «характеризуется субъективностью, эмоциональностью, экспрессивностью, оценочностью» [Мостовая 2008: 112].

Вопросительное предложение — оператор, движущий развитие мысли нарратора. Тип вопроса (экзистенциальный или частный) связан или с развитием сюжета, или с отражением развития мысли повествователя о жизни как таковой или о процессе творчества. При этом повествователь в свободном косвенном дискурсе (СКД) может сливаться со своим персонажем или выступать самостоятельно в роли нарратора в перволичном нарративе.

Самое важное при отборе и интерпретации материала — во-первых, проанализировать полное или частичное отражение в художественном тексте вопросно-ответной ситуации, во-вторых, учитывать контекст введения вопроса: перволичный нарратив, прямая речь, СКД, тип субъекта-вопросителя. При этом как синонимичные используются термины «экзистенциальный» и «общий вопрос», «дополнительный» и «частный вопрос».

1. *Вопросительные предложения в контексте диалога*

Традиционно вопросительные предложения в художественном тексте используются при передаче диалогов персонажей как средство их речевой характеристики, экспликации и мотивации их речевого поведения. Диалогическая речь при этом может иметь и традиционное пунктуационное оформление (реплики персонажей отграничиваются друг от друга знаком тире, оформляются как интонируемые самостоятельные фразы начальной прописной и знаком конца предложения). Но в рассказах экспериментаторских знаменателен отказ от нормативного пунктуационного оформления вопросов при передаче диалогов в контексте перволичного нарратива.

Примером такого использования метаграфемки является отрывок из небольшого по объему рассказа «Молодильные яблоки» Евгении Некрасовой (Знамя. 2016. № 3), в котором встречается 50 вопросительных предложений в контексте диалогов, например:

Костя — бросит курить, Костя — расплетется, Костя — сделает ремонт, Костя — перестанет клептоманить-гуманистить, Костя — и вообще выбросит браслет человеческих тяжестей. Если только она — живет с ним и сегодня. [СКД — С. В.] *Не могу. — Почему?! — Так нельзя. — Да, почему?! — Не могу просто взять и уйти! — Тебе уже тридцать! У тебя может быть отрезанно-ломотная от матери жизнь! Переезжай! — Нет! — Это почему?! — Потому что так совсем не круто...* [звучащий диалог персонажей — С. В.] Костя научил Ангелину Ивановну курить, актуально разговаривать (не хотел), носить джинсы, делать лимонад, португальским словам и всякой небесно-телесной-магии... [СКД — С. В.]

Читатель обращает внимание на сочетание прямого и курсивного шрифтов, используемых автором для передачи реплик персонажей в контексте СКД и звучащего диалога персонажей. В начале отрывка косвенная речь персонажа Кости фиксируется в сознании его неожиданно омолодившейся бабушки Ангелины Ивановны и комментируется ею. Реплики Кости, представляющие собой обещания бабушке (формы предикатов в будущем времени), вводятся повтором имени персонажа, что напоминает ремарку в драматическом тексте, но в то же время избыточный повтор имени в прозаическом тексте сигнализирует о навязчивых мыслях героини, а использованный знак тире является авторским, то есть формально-грамматически неоправданным (между подлежащим и глагольным сказуемым), но маркирующим имя внука.

Выделенные курсивом обрывочные реплики, представляющие собой констатирующие высказывания, передают звучащий диалог этих персонажей. Повторяющиеся в диалоге экзистенциальные почему-вопросы отражают попытки одного персонажа понять мотивацию другого, поколенчески ему противопоставленного. Переход от звучащего диалога к СКД вновь оформляется прямым шрифтом. Данный пример демонстрирует использование автором метаграфемки

ки для поточной передачи разных контекстов: и косвенной речи, и недифференцированной передачи диалогических единств, что позволяет охарактеризовать текст как экспериментаторский.

В рассказе Анны Аркатовой «Три дня блондинки» (Новый мир. 2015. № 7) также знаменателен отказ от нормативного пунктуационного оформления вопросов при передаче диалогов в контексте перволичного нарратива. Реплики других персонажей (выделены полужирным — С. В.) в примере (1) отделяются знаком тире, но при этом не используются прописные как сигнал начала фразы; в примере (2) реплики персонажа не оформлены кавычками и прописной, а реакция на реплику другого не отделена знаком тире и представляет собой мысленный, но не произнесенный вопросно-ответный комплекс:

- 1) Это грибной суп с перловкой и капустный пирог. Ольга восхищается мною как хозяйкой. Но, даже сытая, Ольга находит меня крайне изможденной — **похудела, что ли, или весть о разводе так подействовала?** Я стою с полотенцем на голове и начинаю серьезно подозревать неладное. Я читала, что ствольные клетки, бывает, раз — и закончились, а новых больше уже по твоему адресу не завозят.
- 2) Рассказать все в инфинитиве — как будто это прекрасный день? Или сразу в перфекте — как будто страшная история?
Саша Раппапорт говорит: **запомни все, что ты увидела, и тут же запомни, что ты про это подумала.** Ну, у меня памяти в мозгу — одна восьмая килобайта, **сколько я могу запомнить?** Или одно, или другое. Вот так вот, Раппапорт!

Автор демонстрирует, что воспроизводится не звучащий диалог, а сохранившиеся в памяти нарратора реплики-вопросы других персонажей, не получившие ответа повествователя (1), или произнесенная реакция на чужую фразу в форме вопросно-ответного комплекса (2). Так шрифтовое оформление служит дифференциации произносимого и произнесенного, что позволяет элиминировать традиционные контексты авторской речи при передаче диалогов.

Вопросительные предложения в монологическом повествовании от 1-го лица — средство отражения метаязыковой рефлексии

Интереснее и многообразнее вопросы в монологическом повествовании от 1-го лица. Вопросительное предложение в сочетании с курсивом формирует контексты филологической рефлексии над текстом. Ярким примером является отрывок из рассказа «Вне зоны действия сети. Из телефонной лирики» Александра Кабакова (Знамя. № 8. 2016) с экзистенциальным что-вопросом повествователя к самому себе:

Да, старик.

Собственно, мы однажды уже писали про старика. Точнее, не однажды, а по крайней мере дважды. Даже черт его знает сколько раз. Но из этого *не следует, что больше про старика писать не следует.*

Вот язык! **Ну что с ним делать?** *Не следует, что не следует.* Тут в двух строках два раза одно слово вылезает, не говоря уж о *повторении* корней, а классик издательски *требует, чтобы в пределах страницы ни-ни. Да наплевать на его требования!* *И впредь сколько потребуется, столько и будем повторять.*
Итак, жил-был старик, то есть пенсионер.

Курсив используется автором для того, чтобы отграничить метаязыковую рефлексию [Шумарина 2011], размышления о процессе творчества, от повествования о персонаже. Вопросы возникают ассоциативно, то есть становятся операторами для осознания себя, своего «Я» и отношения к ситуации в целом или к какой-то личности. Так создается иллюзия текстопорождения онлайн, что характерно для интернет-коммуникации. М. Р. Шумарина проводит сопоставление метатекстовой рефлексии с ее активизацией в интернете, в котором проявляется «необходимость критического осмысления и коррекции привычных “технологий” общения» [Шумарина 2011: 12]. Самокоррекция, критическое отношение повествователя к создаваемому тексту не только разбивают последовательное развертывание сюжета, но и создают второй план — эксплицируют действия субъекта-создателя текста — интернет-человека.

В следующем примере повествователь комментирует избираемый шрифтовой способ оформления текста. Вопросно-ответный комплекс (ВОК), начинающийся с экзистенциального вопроса «*Как же он умудрялся жить в таком незавидном качестве?*», снимает противопоставление повествующего и повествуемого субъектов сознания в развернутом ответе-обосновании, который завершается авторским комментарием-рефлексивом (выделено полужирным — С. В.) без использования курсива:

Как же он умудрялся жить в таком незавидном качестве?

Ну, во-первых, будучи пенсионером, он получал пенсию. Вот все говорят, что на пенсию жить невозможно, и старик то же самое говорит, но на самом деле возможно, вот старик и жил.

Больше выделять курсивом повторы не будем, что хотели сказать, то уже сказали.

Получал пенсию, да.

3. Вопросно-ответные комплексы в автодиалоге

Ю. М. Лотман дал точную сопоставительную характеристику «Я — ОН» и «Я — Я» коммуникации: «Если коммуникативная система “Я — ОН” обеспечивает лишь передачу некоторого константного объема информации, то в канале “Я — Я” происходит ее качественная трансформация, которая приводит к перестройке самого этого “Я”». В канале «Я — Я» адресант «внутренне перестраивает свою сущность, поскольку сущность личности можно трактовать как индивидуальный набор социально значимых кодов, а набор этот здесь, в процессе коммуникационного акта, меняется» [Лотман 1999: 26].

В прозаическом произведении «На гобеленах» А. Лебедева (Новый мир. 2015. № 5) с жанровым определением «малая проэзия», содержащем 22 озаглавленных и не связанных друг с другом фрагмента, имитируется автодиалог (автокоммуникация) человека эпохи интернета. Автор и читатель должны жить в общем интернет-пространстве, иметь схожие навыки интернет-коммуникации, иначе ускользает смысл произведения. Во фрагменте, озаглавленном «Словарь тишины», сначала повествователь задает себе вопрос, не получающий ответа (*Сделать вторую часть — о звуках и шумах?*), затем воспроизводятся ассоциативно возникающие мысли повествователя, которые завершаются состоящим из констатирующих высказываний ВОК:

И-мэйл-интервью о молчании закончилось плавно и неизбежно, на птичках, которые верещат у Айги-младшего по утрам в Клишах. Утром отослал последнюю реплику. Сделать вторую часть — о звуках и шумах?

Проинтервьюирован руководитель музыкальной группы «4'33'», автор звуковой дорожки к фильму «Страна глухих». Хотелось бы какого-нибудь следователя растормошить. М. обещал криптографа. Тоже неплохо.

Автора детективов? Факультативно. Интереснее люди нелитературные, испытывающие первоначальный шок, когда им предлагают поговорить о тайне и молчании. Но в то же время связанные с ними профессионально.

Воспроизведенная в примере передача сообщения по каналу «Я — Я» «обусловлена вторжением извне некоторых добавочных кодов и наличием внешних толчков, сдвигающих контекстную ситуацию» [Лотман 1999: 26]. Такими «кодами», «толчками» и является интернет-коммуникация человека, который общается не с конкретным собеседником, а с самим собой.

ВОК могут включаться в автодиалог в контексте СКД, например, в рассказе Александра Кабакова «Вне зоны действия сети. Из телефонной лирики» (Знамя. 2016. № 8). Вопрос следует после детального воспроизведения повторяющейся ситуации и переключения на рефлексив (выделено полужирным — С. В.), который провоцирует появление ВОК. Большой контекст, предваряющий ВОК, в котором отражается сознание персонажа, имеет непривычное графическое оформление — разбиение на строки рядов однородных членов (шесть однородных сказуемых с распространением выделены в отдельные строки, три однородных члена объединены в одну строку, а последний член ряда, указывающий на финал описанной ситуации (*и ложатся снова в постели*) вновь дан самостоятельной строчкой).

Подобное оформление синтагматически связанного высказывания напоминает прием парцелляции, но иными средствами — не знаком конца предложения, а отбивкой (нарочитым абзацированием), при которой графически значимыми становятся все составляющие ситуации и подчеркивается их повторяемость. Подобный прием построчного оформления далее используется при введении в текст самостоятельных предикативных частей. Так в контексте СКД передают-

ся навязчивые мысли старика-пенсонера. Завершается фрагмент рефлексивном-комментарием (*Опять о смерти*), вопросно-ответным комплексом, в котором не разграничиваются повествующий и повествуемый субъекты, и повтором-подхватом (*В общем, жил-был старик-пенсонер*), возвращающим к сюжетному повествованию.

Это все в три ночи.

А наш герой в это время встает и начинает одеваться.

<...>

Между тем все в доме крепко спят. Чтобы он не слишком гордился своей бессонницей, все жильцы дома тоже жалуются на бессонницу и даже иногда встают с постелей, зажигают под потолком нелепый в ночное время яркий свет, включают, приглушив, телевизоры и смотрят ночные странные передачи, но быстро устают, свет гасят, телевизоры выключают и ложатся снова в постели.

Они знают по многолетнему опыту, что оденется он тепло, по погоде и ночной температуре,

и как бы ни оделся, далеко не уйдет

и не потеряется,

и под утро вернется, замерзший, несмотря на одежду, усталый, но довольный тем, что вернулся, а не упал на шоссе, сбитый с ног вихрем, несшимся за гигантским полуприцепом, называемым в народе фурой.

Опять о смерти.

А что поделаешь? Возраст, который одна трудящаяся женщина назвала непреклонным, плюс дополнительное плохое настроение неизвестно от чего, плюс общее ощущение эпохи упадка, плюс смерть-то не выдумка, вот она, только руку протяни, вернее, только протяни ноги — и умер.

В общем, жил-был старик-пенсонер.

Открывающий ВОК экзистенциальный вопрос *А что поделаешь?* получает ответ в виде неполных предложений, имитирующих спонтанную речь персонажа.

В рассказе Евгении Добровой «Труд номер один» (Новый мир. 2016. № 7) экзистенциальные вопросы с апелляцией к адресату (*Вы знаете*) получают точные неполные ответы, причем второй ВОК состоит из вопроса в косвенной речи без пунктуационного оформления, а лаконичный ответ воспринимается как категоричный благодаря оформлению реплик в самостоятельных строчках (ср.: *Нет. От трупов стресса нет.*):

Вы знаете, чем страхование жизни отличается от других видов страхования? Тем, что страхового случая наступает всегда.

Меня часто спрашивают, не боюсь ли я трупов, не влияет ли это на мою психику.

Нет.

От трупов стресса нет.

Части ВОК нарочито дробятся автором, представляя собой не только парцелляцию высказывания, но и формируя парцелляцию текстовую (ср.: *Вообще, у нас есть защита от прикосновения к смерти. Психологическая*):

Что я знаю о смерти? Я знаю о смерти не больше, чем мне приоткрыли издохшие весной аквариумные рыбки.

О физике — все, о метафизике — ничего.

Вообще, у нас есть защита от прикосновения к смерти.

Психологическая.

Так создается диалогизация нарратива, призванная снять дистанцию между автором и читателем.

4. Изолированные вопросы

Изолированные вопросы, или вопросы без ответов (разговор рассказчика с самим собой), в рассказе Евгении Добровой «Труд номер один» мотивируются комментарием об особенностях речевого поведения в иноязычной и инокультурной среде: *Хотел даже спросить у Йорга, не чувствует ли он такого, но подумал, что это слишком личный вопрос, и не решился. В Германии не принято задавать коллегам личные вопросы. Если тебя распирает — обратись к психологу.*

Вопросы без ответов (*А что там сказано? Что он такое увидел? Женщину-священника?*) вводятся в повествование как рефлексивы, сигнализирующие о ходе мыслей нарратора, о его параллельном разговоре с самим собой, например:

У Йорга болят глаза от микроскопа, он просит поменяться с ним завтра обязанностями. Йорг протестант. Его рабочее место все в изречениях, календариках с крестами. Он ходит в церковь, приносит оттуда постеры: в Писании сказано...

А что там сказано?

Вчера я читал про Фому Аквинского. Посетив мессу 6 декабря 1273 года, он изрек: «Не могу теперь больше писать: видел такое, после чего все мои писания — солома».

Что он такое увидел? Женщину-священника?

Сказал «видел такое» — и замолчал.

Я бы хотел дружить с Йоргом, но здесь не приняты такие сантименты в коллективах.

Фрагментированная подача сюжета в рассказе Евгении Добровой сопровождается разговором с самим собой, в котором вопросы не получают ответов, но при этом они не являются риторическими вопросами-утверждениями или вопросами-отрицаниями, в отличие от примера утверждения в форме вопроса: *Человек страшнее, чем его скелет. Человеческие ткани — что в них плохого?*

В рассказе Феликса Канделя «...но смыслов бродят сонные стада...» (Знамя. 2016. № 4) представлен своеобразный тип вопросно-ответной ситуации: ответом

на экзистенциальный вопрос *Кто мы и что мы без вымысла?* является цитата с указанием автора цитируемого текста:

Без вымысла не прожить в настырной реальности, которая подстерегает за окном.
Кто мы и что мы без вымысла?
чтобы было всё понятно
надо жить начать обратно
и ходить гулять в лес
обрывая волосы
Введенский Александр Иванович
Последняя наша поездка — она по Белоруссии, как ее не вспомнить?
Минск, Мир, Новогрудок, в леса под Гродно.

Рассуждение, выраженное ВОК, обрывается абсолютно несвязанным описанием другой ситуации.

5. Цепочки вопросительных предложений

Цепочки вопросительных предложений, в отличие от распространенной в поэзии и прозе конструкции экспрессивного синтаксиса — цепочка номинативных предложений, — встречаются нечасто. В рассказе Марии Молодцовой «Два шага» (Октябрь. 2017. № 6) цепочка оформлена как два самостоятельных экзистенциальных вопроса, но в действительности здесь можно усмотреть один парцеллированный альтернативный вопрос (ср.: *А видишь ли вообще или, может, ты слеп, по-настоящему, бесповоротно слеп душой, а глазами видишь лишь несправедливость?*):

Но концепция моя, наскоро сколоченная, развалилась. С какой-то другой стороны надо подойти. А сначала в любом случае понять себя и то, что видишь для себя в происходящем. А видишь ли вообще? Или, может, ты слеп, по-настоящему, бесповоротно слеп душой, а глазами видишь лишь несправедливость? Но нельзя же вечно сетовать на судьбу, быть недовольным тем, что ты здесь. Ведь нет никакого места лучше «здесь» и времени лучше и продуктивнее, чем «сейчас».

Данные вопросы не получают прямого ответа, но оцениваются повествователем как проявление недовольства своим душевным состоянием, провоцирующим подобные вопросы.

В «Звуках прошлого» Каринэ Арутюновой с определением «другой жанр» (Знамя. 2015. № 11) встречается цепочка из восьми экзистенциальных вопросов-подхватов:

Хватит ли у тебя пороку, чтобы прожить еще одну жизнь?
Хватит ли дней, часов, минут?
На исповеди, восторги, страхи, усталость, отчаяние, признания?

Хватит ли сил быть искренним, великодушным, нежным, любимым, любящим, прощающим...

Хватит ли желаний и сил на исполнение их?

Достанет ли мужества еще и еще раз взглянуть правде в ее суровые, неподкупные очи?

Достанет ли мудрости, не забывая прошлого, жить настоящим?

Обойти сосущее чувство вины, многих, многих вин, с которыми ты слит воедино, и отдирать их столь же болезненно, как и существовать с ними.

Достанет ли сил победить червоточину уныния?

Она разрастается, укореняется с неспешностью и уверенностью гостя, который не собирается уходить.

Ему, этому гостю, хорошо и привольно дышится здесь, в твоём преддверье, — легко дышится и вздыхается, — не навечно, мол, не навечно, — живи, порхай, а я здесь подожду своего звездного часа и мига...

Четыре анафорических повтора *Хватит ли...* и трижды повторенное *Достанет ли...* сигнализируют о мучительном поиске ответов на экзистенциальные вопросы о своей душе. Эмоциональное напряжение нарратора подчеркивается также парцелляцией вопросительных предложений, при которой парцелляты вынесены в отдельные строчки и оформлены знаком вопроса (ср.: *Хватит ли дней, часов, минут на исповеди, восторги, страхи, усталость, отчаяние, признания? Достанет ли мудрости, не забывая прошлого, жить настоящим, обойти сосущее чувство вины, многих, многих вин, с которыми ты слит воедино, и отдирать их столь же болезненно, как и существовать с ними?*).

Выводы

Анализ прагматики (типы вопросов), структурных особенностей (вопросно-ответные комплексы, одиночные вопросы без ответов / риторические вопросы-утверждения, цепочки вопросительных предложений, сочетание интеррогативности с парцелляцией), контекста введения (диалог, первоичный нарратив, свободный косвенный дискурс), определение степени насыщенности текста небольшого объема вопросительными предложениями позволяет сделать следующие выводы.

Основная часть вопросительных предложений в контексте прямой речи — дополнительные (частные) вопросы с традиционными функциями речевой характеристики персонажей. Благодаря такому пунктуационному эксперименту, как снятие традиционного оформления диалогов, содержащих вопросы, происходит усложнение субъектной перспективы текста.

Вопросы в монологическом первоичном нарративе являются экзистенциальными и отражают рефлексивность повествователя (риторические вопросы и вопросы без ответов), особенно ярко это проявляется в цепочках вопросов, эксплицирующих типичную для лирики автокоммуникацию.

Вопросительные предложения в экспериментаторских рассказах (фрагментированных, бессюжетных) выполняют текстообразующую функцию, компенсируя дезинтеграцию современной малой прозы и цементируя текст экспликацией сознания нарратора, что часто становится более значимым для адресанта, чем создание сюжетного повествования.

Выявленные особенности вопросов в современной прозе отражают поиск авторами средств, компенсирующих дезинтеграцию текста, изменение восприятия адресантом адресата нарратива (стремление к снятию дистанции, моделирование онлайн-коммуникации), что предопределено ориентацией на современного читателя, поиском новых форм художественной коммуникации.

Литература

- Адмони В. Г. Грамматика и текст // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 63–68.
- Вяткина С. В. Альтернативная пунктуация в современном художественном тексте // Русское слово в многоязычном мире. Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ. СПб.: МАПРЯЛ, 2019а. С. 680–685.
- Вяткина С. В. 2016 Отражение клипового сознания в синтаксисе современной прозы // Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 года). СПб.: РОПРЯЛ. С. 111–116.
- Вяткина С. В. Стратегия нарратора в русском рассказе XXI века: структура текста и проблема инференции // Когнитивные исследования языка. 2019б. № 37. С. 694–699.
- Гладкова К. Ю. Трактовки понятия «интеррогативность» в лингвистике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12. Вып. 2. С. 5–17. DOI: 10.17072/2073-6681-2020-2-5-17
- Дыртый А. Т. Функционально-семантическое поле вопросительности (методологический аспект) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6. С. 391–393.
- Егоров Ю. Д., Кузнецов В. Г. Логика вопросов и ответов в коммуникативной деятельности // Пространство и время. 2015. Т. 9. Вып. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logika-voprosov-i-otvetov-v-kommunikativnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 10.08.2019).
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Марьина О. В. Дезинтеграционные процессы в синтаксисе русских художественных текстов рубежа XX–XXI веков (к постановке проблемы) // Филология и человек. 2010. № 3. С. 19–29.
- Мостовая Л. А. Вопросительные косвенные речевые акты (КРА) со значением отрицания // Альманах современной науки и образования. 2008. № 2 (2). С. 112–114.
- Прытков В. П., Ивлев Ю. В., Симонов А. И. Вопрос и ответ // Гуманитарный портал: Концепты. Центр гуманитарных технологий, 2002–2021. 2019. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7350> (дата обращения: 20.04.2021).
- Святогор И. П. Вопросительные предложения // Русская грамматика. В 2-х т. Т. 2. М.: Наука, 1980. С. 386–402.
- Стрельцов А. А. О типах вопросительных предложений // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 3. С. 38–51. DOI: 10.15593/2224-9389/2016.3.4

- Фрумкин К. Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // *Ineternum*. 2010. № 1. С. 26–36. URL: http://nounivers.narod.ru/pub/kf_clip.htm (дата обращения: 10.01.2019).
- Шубина Н. Л., Антошинцева М. А. Вспомогательные семиотические системы в устной и письменной коммуникации. Санкт-Петербург: ПетроПресс, 2005.
- Шубина Н. Л. Текстовая пунктуация как объект интерпретирующей мысли // *Научное мнение*. 2015. № 11–1. С. 54–61.
- Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). М.: Флинта: Наука, 2011.

References

- Admoni V. G. Grammar and text. *Voprosy iazykoznanii*, 1985, no. 1. P. 63–68. (In Russian)
- Dyrtyu A. T. Functional-semantic field of interrogation (methodological aspect). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 2014, no. 6, pp. 391–393. (In Russian)
- Egorov Yu. D., Kuznetsov V. G. Logic of questions and answers in communicative activity. *Prostranstvo i vremia*, 2015, no. 9, issue 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logika-vo-prosov-i-otvetov-v-kommunikativnoy-deyatelnosti> (accessed: 10.08.2019) (In Russian)
- Frumkin K. G. Global changes in thinking and the fate of textual culture. *Ineternum*, 2010, no. 1, pp. 26–36. URL: http://nounivers.narod.ru/pub/kf_clip.htm (accessed: 10.01.2019). (In Russian)
- Gladkova K. Yu. Interpretations of the Notion 'Interrogativity' in Linguistics. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*, no. 12, issue 2, 2000, pp. 5–17. DOI: 10.17072/2073-6681-2020-2-5-17 (In Russian.)
- Kobozeva I. M. *Linguistic semantics*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. (In Russian)
- Lotman Yu. M. *Inside thinking worlds. Man — text — semiosphere — history*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. (In Russian)
- Maryina O. V. Disintegration processes in the syntax of Russian literary texts at the turn of the 20th–21st centuries (to the problem statement). *Filologiya i chelovek*, 2010, no. 3, pp. 19–29. (In Russian)
- Mostovaya L. A. Interrogative indirect speech acts (KRA) with the meaning of negation. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, no. 2 (2), pp. 112–114. (In Russian)
- Prytkov V. P., Ivlev Yu. V., Simonov A. I. Question and answer. *Gumanitarnyi portal. Kontsepty. Tsentr gumanitarnykh tekhnologii*, 2002–2021. 2019. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7350> (accessed: 20.04.2021). (In Russian)
- Shubina N. L. Text punctuation as an object of the interpreting thought. *Nauchnoe Mnenie*, 2015, no. 11–1, pp. 54–61. (In Russian)
- Shubina N. L., Antoshintseva M. A. *Auxiliary semiotic systems in oral and written communication*. St Petersburg, PetroPress Publ., 2005. (In Russian)
- Shumarina M. R. *Language in the mirror of literary text. (Metalanguage reflection in the works of Russian prose*. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2011. (In Russian)
- Streltsov A. A. On the types of interrogative sentences. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy iazykoznanii i pedagogiki*, 2016, no. 3, pp. 38–51. DOI: 10.15593 / 2224-9389 / 2016.3.4 (In Russian)
- Svyatogor I. P. Interrogative sentences. *Russkaia grammatika*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 386–402. (In Russian)

- Vyatkina S. V. Alternative punctuation in modern fiction. *Russkoe slovo v mnogoiazychnom mire. Materialy XIV Kongressa MAPRIAL*. St Petersburg, MAPRIAL, 2019a, pp. 680–685. (In Russian.)
- Vyatkina S. V. Clip consciousness reflection in modern narration syntax. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii*. [Electronic resource], issue 5. Materials of the V Congress of ROPRIAL (Kazan, October 4–8, 2016). St Petersburg, ROPRIAL, 2016, pp. 111–116. (In Russian)
- Vyatkina S. V. Narrator's strategy in 21st century Russian short story: text structure and inference problem. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, 2019b, issue 37, pp. 694–699. (In Russian)

Сведения об авторе

Вяткина Светлана Вадимовна

Кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Svetlana V. Vyatkina

PhD in Philology, Associate Professor

St Petersburg State University

7–9 Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: s.vyatkina@spbu.ru

SPIN-код: 9891-4382

Author ID (Russian Citation Index): 704632

ORCID: 0000-0002-6505-1293

Researcher ID: O-6981-2015